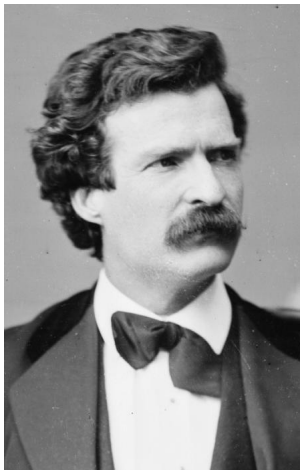

Марк Твен

Не знаю, к худу или к добру, но мы продолжаем поучать Европу. Мы занимаемся этим уже более ста двадцати пяти лет. Никто не приглашал нас в наставники, мы навязались сами. Ведь мы — англосаксы. Прошлой зимой на банкете в клубе, который называется «Дальние Концы Земли», председательствующий, отставной военный в высоком чине, провозгласил громким голосом и с большим воодушевлением: «Мы — англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идёт и берёт».

Заявление председателя вызвало бурные аплодисменты. На банкете присутствовало не менее семидесяти пяти штатских и двадцать пять офицеров армии и флота. Прошло, наверное, около двух минут, прежде чем они истощили свой восторг по поводу этой великолепной декларации. Сам же вдохновенный пророк, изрыгнувший её из своей печени, или кишечника, или пищевода — не знаю точно, где он её вынашивал, — стоял всё это время сияя, светясь улыбкой счастья, излучая блаженство из каждой поры своего организма. (Мне вспомнилось, как в старинных календарях изображали человека, источающего из распахнутой утробы знаки Зодиака и такого довольного, такого счастливого, что ему, как видно, совсем невдомёк, что он рассечён опаснейшим образом и нуждается в целительной помощи хирурга.)

Если перевести эту выдающуюся декларацию (и чувства, в ней выраженные) на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы — воры, разбойники и пираты, чем и гордимся».

Из всех присутствовавших англичан и американцев не нашлось ни одного, у кого хватило бы гражданского мужества подняться и сказать, что ему стыдно, что он англосакс, что ему стыдно за цивилизованное общество, раз оно терпит в своих рядах англосаксов, этот позор человеческого рода. Я не решился принять на себя эту миссию. Я вспылил бы и был бы смешон в роли праведника, пытающегося обучать этих моральных недорослей основам порядочности, которые они не в силах ни понять, ни усвоить.

Это было зрелище, достойное внимания, — этот по-детски непосредственный, искренний, самозабвенный восторг по поводу зловонной сентенции пророка в офицерском мундире. Это пахло саморазоблачением: уж не излились ли здесь наружу под нечаянным ударом случая тайные порывы нашей национальной души? На собрании были представлены наиболее влиятельные группы нашего общества, те, что стоят у рычагов, приводящих в движение нашу национальную цивилизацию, дающих ей жизнь: адвокаты, банкиры, торговцы, фабриканты, журналисты, политики, офицеры армии, офицеры флота. Все они были здесь. Это были Соединённые Государства, созданные на банкет и полноправно высказывавшие от лица нации свой сокровенный кодекс морали.

Этот восторг не был изъятием нечаянно прорвавшихся чувств, о котором после вспоминают со стыдом. Нет. Стоило кому-нибудь из последующих ораторов почувствовать холодок аудитории, как он немедленно втискивал в свои банальности всё тот же великий тезис англосаксов и пожинал новую бурю оваций. Что ж, таков род человеческий. У него всегда в запасе два моральных кодекса — официальный, который он выставляет напоказ, и подлинный, о котором он умалчивает.

Наш девиз: «В господа веруем...» Когда я читаю эту богомольную надпись на бумажном долларе (стоимостью в шестьдесят центов), мне всегда чудится, что она трепещет и похныкивает в религиозном экстазе. Это наш официальный девиз. Подлинный же, как видим, совсем иной: «Когда англосаксу что-нибудь надобно, он идёт и берёт». Наша официальная нравственность нашла трогательное выражение в величавом и в то же время гуманном и добросердечном девизе: «*Ex pluribus unum*» [Из многих одно — лат.], из которого как бы следует, что все мы, американцы, большая семья, объединённая братской любовью. А наша подлинная нравственность выражена в другом бессмертном изречении: «Эй, ты там, пошевеливайся!»

Мы заимствовали наш империализм у монархической Европы, а также и наши странные понятия о патриотизме, — если хоть один здравомыслящий человек вообще сумеет толком объяснить, что мы подразумеваем под словом «патриотизм». Значит, по справедливости, в ответ на эти и другие наставления мы тоже должны чему-нибудь учить Европу.

Сто с лишним лет тому назад мы преподали европейцам первые уроки свободы, мы немало содействовали тем успеху французской революции — в её благотворных результатах есть и наша доля. Позднее мы преподали Европе и другие уроки. Без нас европейцы никогда не узнали бы, что такое газетный репортёр; без нас европейские страны никогда не вкусили бы сладости непомерных налогов; без нас европейский

пищевой трест никогда не овладел бы искусством кормить людей отравой за их собственные деньги; без нас европейские страховые компании никогда не научились бы обогащаться с такой быстротой за счёт беззащитных сирот и вдов; без нас вторжение жёлтой прессы в Европу, быть может, наступило бы ещё не скоро. Неустанно, упорно, настойчиво мы американизируем Европу и надеемся со временем довести это дело до конца.

7 сентября 1906 г.